

Архип Савельич давно вздыхает, глядя на своего младшего сына Елеску.

Парню за двадцать лет. В Красную армию его не взяли. Жениться бы в самый раз, так нет, упирается.

– В прошлом году в кансамол пошел жаловаться. Родители де жениться неволят. Стыдно прямо. Добро бы сам кансамол был, а то с боку-припека. Нет того дарования, как у других ребят. Вон у Ильи Афанасьича, парень-от партийной уж. Риком, слышно, целом орудует. А у нас только и дела, что на отца родного жалобиться. Выросло чадушко.

И уж со злобой Архип вслух проговорил:

– Куды наш сокол полетел?

Елеска съежился и, часто моргая белыми ресницами, промолвил:

– На круг, тетенька.

– Дело. Значит, куды девки, туды я, у годков моих семья? Можешь разуметь это, бестыжи шары?

Елеска насторожился и с неожиданной твердостью сказал:

– Разумею, к чему клонишь. А жениться на твоих невестах не буду.

– Дурак. Да свою найди. Нешто и прекословляю. Не мне жить. Лишь бы хороших родителей была. Не старым же парнем оставаться из крестьянству.

– Это уж кому какая судьба, – вздохнул парень.

– А ты к Федосье сходи, дак она тебе всякую судьбу сделает. Все, говорят, может.

– Темнота, поди, это – еще раз вздохнул парень и направился к выходу.

Старик, и сам мало веривший в диковинную силу Костылевской знахарки Федосьи, теперь вспылал.

– Умник стал. Наслушался кансамола. Родители меньше твоего понимает. Да Федосья-то у нас по всему району на славе. Из Долговой к ней ездит. Зря люди говорят по-твоему, сопляк?

Вошедшая в избу старуха слышала конец разговора.

– Ты, отец, это верно про Федосью надумал. Сходил бы... Что в самом деле. До коих пор Елисею у нас парнем ходить.

Старик несколько смутился.

– А как опять кансамол дознается. Везде нос суют. И так на смеху живем из-за Елнски, да и толку-то поди, не будет.

– От Феодосии-то? Толку не будет? – взмахнула руками старуха. Да ты что? Смотри-ко, у Олены ребеночек, – недопарыш, все еще живой. В печку ведь его Федосья-то садила допекать. А у Митрия мерин-от, помнишь на леву ногу припадал? Живо вылечила.

Привесила на шею обуток, с молитвой конечно, да велела расковать, и делу конец. Через месяц лошадь поправилась.

Старуха разошлась и высыпала еще кучу всяких Федосьиных диковин.

– Верно, мать, не попытать ли? – согласился, окончательно сбитый с толку, Архип.

Старуха перешла на шепот.

– Была уж я у Федосьюшки-то. Пущай, говорит, отец придет. Через мать, говорит, нельзя на сына, а через его можно. Изделаю, тоску наведу на Елисея.

– Кому хотела?

– Да Усте Андрея Егорыча, как говорили.

– Что-ж девка хорошая, и родители не противятся. В самый бы раз, – согласился старик.

Когда Елисей вышел на улицу, там уже начиналась обычная праздничная деревенская жизнь после обедни.

Ярко маячили девичьи платья, платки. Парни, еще трезвые, шли группами человек по 5–6, обязательно с гармонистом.

Начинались запевные-зазывные:

Седни праздник воскресенья

Двадцать пятое число

Ты бери гармонь двухрядку

На ремень через плечо...

– Елисей Архипычу, двадцать лет неженатому ходить! – приветствовал Елеску один из проходящих парней, Санко Заруба.

– Што долго, – спрашивают шутника другие.

Тот поясняет:

– Насте некогда. С Мишкой Звонарем заворачивает. А потом еще очередь большая. Не к снегу дело, подождет Елеска.

Парни хохочут. Елеска пробует отшутиться.

– В чужих отопках не ходим. Свои выбрасываем. Настя им вовсе без интересу.

– Хо-о-о! Кто бы говорил, а ты бы помалкивал. Видно ведь к которой юбке ноги волокут. Ровно привороженный за ей шлендаешь, а все без толку. Женился бы что ли. А?

Такие насмешки Елисей слышал не первый раз. Притерпелся уж. Вся деревня знала, что этот ладящий парнишка неотступно ходил за озорной деревенской красавицей Настей, дочерью шинкарки Маремьяны.

Сердобольные бабы помоложе осуждали Настю.

– И чего рыло воротит? Кого ждет? Парень справный, самостоятельный.

День выдался для Елески вовсе незадачливый.

Настя держалась все время в сторонке с высоким курчавыми парнем Мишкой Звонарем. С ним все время и плясала на кругу. Правда, и раньше больше ласковости Елеска от нее не видел, но теперь вовсе почувствовал себя обескураженным.

Главное этот Мишка. Раньше хоть и от него сторонилась.

Поздним вечером, когда уж деревне было совсем темно, Елеска направился к деревенской знахарке, Федосье Добрыдиной.

Избушка, стоявшая на отшибе, не закрывалась. Как видно Федосья крепко надеялась, что ни один деревенский хулиган не решится влететь к ней с пьяными криками.

Так и было. Побаивалась таки все село.

Старуха еще не спала и приняв от парня трешку, сказала:

– Что-ж, можно. По кому тоскуешь?

Парень чуть слышно ответил:

– Знаешь ведь, баушка, по Насте. Сделай ты, чтобы хоть поласковее глядела.

Старуха встала на середину избушки, поворотилась к востоку и стала быстро, говорком выбрасывать слова: «бел-горюч камень... тоска змея... добрый молодец... красна девица... на заре... росой... слово крепкое... наведи тоску...».

Разобрать всего парень за быстротой не успел. Старуха подошла к божнице и, достав оттуда два яйца, сказала:

– Носи вот с собой. Сразу переменится.

Парень положил яйца в карман, но старуха его предупредила.

– Ты, дитятко, два мешочка сшей и на шнурке на шею надень. Так с ими и спи.

Этой же ночью перед утром у старухи был Архип. Тоже ворожил о сыне. Только на другую девицу. Старуха приняла трубу холста, два рубля денег и принялась за работу.

Долго возилась какими-то травками. Принесла сушеную ящерицу, истолкла и наказала «поить не приметно».

В следующий праздник Елисей заметил, что колдовство действует. Настя на кругу была с ним ласкова. Мишку и на глаза не подпускала. Даже в лесок ходили вместе, прогуляться.

Парень, разнеженный этой лаской, вовсе охмелел и облапил девку. Но она живо отпрыгнула. Больно ударило слух слово «сопляк», но сейчас же она переменялась и уж ласково сказала:

– Ты рукам воли не давай.

Когда выходили из лесочка, постоянные подружки Насти встретили их с поклонами.

– Далеко ли ходили?

– Совет да любовь.

Через восемь месяцев народный суд разбирал дело об алиментах предъявленных гражданкой Анастасией Торониной гражданину Елисею Латкину.

Свидетельницы со стороны Насти бойко говорили что не один раз видали, как Настя с Елисеем вдвоем ходили в лес

Старый Архип стал теперь вовсе безбожником. И в колдовство не верит.

В престольный праздник вышиб даже окошки у Федосьи.

– Присушила алименты, холера.